

18+

А.А. Казаков

ПРИЗНАКИ ЖИЗНИ

Роман

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А. А. Казаков

Признаки жизни. Роман

«Издательские решения»

Казаков А. А.

Признаки жизни. Роман / А. А. Казаков — «Издательские решения»,

Каждую ночь Миллер спасает людей. Он разнимает пьяные драки в барах, где кровь стынет на снегу, а в свободное от работы время вывозит некоторых из них на заснеженный обрыв над рекой и даёт один-единственный шанс: измениться или умереть. Он считает себя спасителем — тем, кто дарит новую жизнь под дулом пистолета. Вот только этой зимой те, кого он спас, начинают возвращаться. Книга содержит нецензурную брань.

© Казаков А. А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1	7
2	8
3	11
4	15
5	18
6	24
7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Признаки жизни

Роман

А. А. Казаков

© А. А. Казаков, 2026

ISBN 978-5-0071-4667-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Наташе. С любовью.

«...хорошо знаю, чем это кончится...»

Микки Спиллейн

«Суд — это я»

«...он был кузнецом собственных несчастий и за отсутствие успехов мог благодарить только самого себя...»

Джозеф Хеллер

«Поправка-22»

«Серьёзные дела надо делать в одиночку...»

Ирвин Уэлиш

«Дерьмо»

«Идиотский план, но как раз самые идиотские планы всегда удаются...»

Борис Виан

«Я приду плюнуть на ваши могилы»

«И моё дело — ловить ребятишек, чтобы они не сорвались в пропасть...
Вот и вся моя работа...»

Джером Д. Сэлинджер

«Над пропастью во ржи»

От автора

Эта книга является плодом авторского воображения.

Все ситуации надуманы, герои выдуманы, а события существуют лишь на страницах книги. Всё описанное здесь не имеет никакого отношения как к реальности в целом, так и к мировоззрению автора в частности. Совпадения с реальными людьми, местами, событиями и ситуациями случайны. Я не преследую цели обидеть кого-либо. Моя цель развлечь читателя.

В книге содержатся натуралистические сцены описания насилия. Это необходимо для сюжета и раскрытия персонажей. Я против насилия в любой форме.

Главный герой книги, как и его коллеги по фирме, неоднократно изъясняется матами. Это сделано намеренно, чтобы придать истории достоверность и ярче охарактеризовать персонажей.

Охранное агентство «Рыцарь» не существует. Если где-то в мире существует фирма с похожим или таким же наименованием, мне об этом неизвестно. Это также касается всех перечисленных в книге заведений.

Эта книга не рекомендована для прочтения лицам, не достигшим восемнадцати лет.

Приятного чтения.

1

Этой зимой все звуки мира слились в один пронзительный плач людей. Какое-то время мне удавалось не обращать на них внимания, но шли дни и голоса тех, кого я когда-либо спас, стали обрывать плоть.

Что мы сделали тебе?

Зачем ты мучаешь нас?

Почему не оставишь в покое?

Такие слова. Всякий раз.

2

Вечером очередной пятницы я заступил на смену, когда время на электронных часах, расположенных на стене в комнате дежурного, показывало начало девятого вечера. Часы барахлили, зелёные цифры мигали.

— Эй, Миллер! У тебя день рождения что ли?

Обычно, приходя на работу, я обходил комнату дежурного стороной. Шёл по коридору, направляясь в комнату отдыха или в спортзал, не глядя на дежурного. Но сегодня он, прыщавый юнец с редкими рыжими волосами и худой, как швабра, даже встал из-за стола, чтобы прокричать мне это. Его звали Спица, и мне он не нравился, так как все свои смены просиживал в тепле и уюте, залипая в телефон, принимая вызовы о происшествиях и передавая их нам, настоящим сотрудам.

Я не остановился на звук его голоса. Прошёл в раздевалку, где пахло потом и газами. Там, одевшись в форменную чёрную куртку с жёлтой эмблемой «рыцарей» на груди, я вышел в коридор, чтобы налить кофе из автомата. Широкий и высокий, автомат не работал. Ударив по нему дважды, так что он покачулся и слегка съехал, оставив отметину на заляпанном грязью кафельном полу: характерную для прорезиненных ножек чёрную полосу.

Спица вышел из комнаты дежурного и последовал за мной, не понимая или не принимая того, что я не намерен с ним разговаривать.

— Миллер! Да подожди ты, чёрт возьми!

Отмахнувшись от него — так, чтобы он понял, мне не до него — я прошёл в спортзал, где обитали большинство заступивших на смену парней в ожидании вызова. Толкнув двупольные красные двери с круглыми окошками, которые держались на барных петлях, ходили туда-сюда, хлопая, я оказался в спортзале. Пахло там хуже, чем в раздевалке.

Парни уже были здесь. Феликс тягал штангу, лёжа на скамье, и щеголяя потным накачанным торсом. Поднимая штангу, он выдыхал воздух со свистом, напоминая пробитое колесо грузовика. Гильза курил в открытое окно, стоя у подоконника. Растрёпанный, в белой мятой футболке, чёрных форменных штанах и высоких кожаных ботинках на шнуровке. Через окно в зал проникал свежий морозный воздух. Гильза разговаривал по телефону, поправляя уложенные гелем чёрные волосы, и мне сразу стало ясно: говорит со своей новой девчонкой, очередной студенткой, смеясь и заигрывая. При виде меня Гильза изменился в лице и поспешил закончить разговор. Убрал телефон в карман, потушил недокуренную сигарету о заснеженный карниз за окном и выбросил на улицу.

— Прости, брат, — сказал Гильза, хлопая меня по плечу. Потом двинулся к турнику и стал подтягиваться, едва не вылетая за перекладину. — Знаю, ты дуреешь, когда здесь курят, но я что-то весь испереживался.

— Его новая подружка беременна, — сказал Валентин Карманович, старожил нашего охранного агентства, работающий в фирме с момента её основания, то есть больше тридцати лет. В свои пятьдесят четыре года он выглядел живчиком. Подтянутый и загорелый, он мог уложить любого юнца на лопатки. — Я сказал, что ты не будешь против того, чтобы он здесь немного посмолил.

— Я не буду против того, чтобы вы, бездари, собрались и приступили к работе, — ответил я, стоя посреди спортзала, уперев руки в бока и глядя то на Феликса, то на Гильзу, то на Валентина Кармановича. Последний, к слову, сидел на скамейке, разминаясь тридцатикилограммовыми гириями. Он усмехнулся моим словам. По-доброму. Знал, что я шучу.

— Миллер!

Все обернулись на голос Спицы, который стоял в дверях. Вид у него был заигрывающий, но смущённый: как у ребёнка, который хочет влиться в компанию взрослых.

— Какого хрена ты делаешь в мужской обители, насадка? — спросил Феликс, бросая штангу.

— Я к Миллеру, тупица необразованная. Ты игнорируешь меня?

— С чего бы? — ответил я, как будто это было не так. — Поступил вызов?

— Что? Нет. Тебе доставили подарок. Я ведь говорил.

— Ох, подарок для Миллера! — сказал Валентин Карманович загадочным тоном. — Ну и кто она?

— Успокойся, — ответил я. Потом спросил Спицу, о чём он говорит.

— Курьер принёс тебе посылку. Запакованную.

— Какой курьер? Когда?

— Да только что. Перед твоим приходом.

Гильза подбежал к Спице и повалил его на пол. Спица ударился головой о дверь, та распахнулась и, вернувшись обратно, ударила его снова.

— Эй, Феликс, помоги мне! Эту ослиную жопу нужно выбросить отсюда.

— Нет, парни, вы что! Не надо, — взмолился Спица, хохоча, хотя приятного в происходящем было мало.

Феликс обтёрся полотенцем, кинул его на велотренажёр и поспешил к ним. Вместе с Гильзой они взяли Спицу. Держали его за руки и за ноги. Сделав несколько шагов, они встали напротив окна, в которое курил Гильза. Широкое окно оставалось открытым. Спица взмолился:

— Нет, парни! Давайте лучше на маты!

— Слабак, — сказал Феликс.

Вдвоём они раскатали кричащего Спицу и на счёт три выкинули его в окно.

Спица скрылся за подоконником, едва не ударившись головой о стеклопакет. Крик прекратился, когда он приземлился с хрустом. Воцарилось молчание, которое треснуло сразу же, как только Спица заорал:

— Ну вы и уроды, парни! Я ненавижу вас!

Гильза подбежал к окну и показал Спице средний палец.

— Больше не заходи в зал, где мужики занимаются. Пока не станешь одним из них.

Все, кроме Спицы, рассмеялись.

— Я в душ, — сказал Феликс. Захватив полотенце, он ушёл в другой конец помещения, где за углом у нас была душевая.

— А мне нужно позвонить, — сказал Гильза, крутя перед моим лицом телефоном. — Если, конечно, начальник смены не против?

— Пять минут и выезжаем, — ответил я. Схватил его телефон и, размахнувшись, закинул его на спортивные маты, где он, отскочив, провалился под один из них. Гильза прыгнул на меня, и я без труда повалил его на пол. Он взвыл, делая вид, что ему больно. На деле лишь придурился. Я протянул ему руку, он вцепился в неё, как утопающий в спасательный круг, но лишь для того, чтобы, используя момент, ответить мне броском. Перевернувшись через голову, я оказался на полу, лёжа рядом с ним. Переведя дыхание, Гильза сказал:

— Миллер, тебе говорили, что ты мудак?

— Не чаще, чем каждый день.

Ловким движением Гильза встал на обе ноги, оттолкнувшись руками от пола и выгнув спину, как акробат. И ушёл искать телефон, ползая по матам и вытирая с них пыль своими штанами.

Я поднялся и подошёл к окну, чтобы взглянуть на Спицу. Напуганный и сырой, он уже выбрался из покрытого настом сугроба (хрустнул наст, а не кости Спицы) и теперь отряхивался. В снегу остался глубокий след от его тела. Спица выковыривал снег из уха, когда я сказал, что мне нужен вызов. Плевать отсюда.

— Только если скажешь своим идиотам больше так не делать.

— Вызов, Спица.

— Тебе там прислали, Миллер...

— Да понял я тебя. Посылку. Или подарок. Или ещё какую-то хрень. Выбрось. Мне плевать.

— Нет, я о другом уже. То есть это тоже, но речь о резюме.

Он ждал моей реакции, но её не последовало.

— В общем, есть один парень, я зову его Клякса. Из-за огромного уродского родимого пятна на пол-лица. Он работает в нашей же фирме, но обычный охранник. Сторожит склады, следит за порядком в барах и так далее.

— Друг твой что ли?

— Вроде того, — ответил Спица, смутившись. — Рассмотрю его кандидатуру?

— Куда? В группу быстрого реагирования? Исключено. Если он охранник в нашей фирме, то пускай там и остаётся. У нас полный комплект в ГБР.

— Но ты подумай, ладно? Вдруг что случится. Заболеет кто-нибудь или вроде того.

— Болееешь здесь только ты каждый месяц. И это при условии, что вне офиса не работаешь.

— А покупался бы ты так же в снегу, я посмотрел бы на тебя.

— Договорись, и в следующий раз я дам парням ключи от крыши, чтобы ты летел не с первого этажа, а с последнего.

Перспектива падать с шестого этажа его не прельщала. Он сглотнул ком в горле, кивнул. И направился к главному входу в фирму, обходя П-образное здание, точнее, пробираясь через сугробы, высота которых доходила до пояса.

Снег валил уже не первую неделю. Мороз щипал голую кожу на руках даже через окно. В сумерках жёлтые заледеневшие фонарные столбы у проезжей части, по которой проносились машины, напоминали гигантские сосульки.

— Так о какой посылке твердил юнец?

Валентин Карманович подкрался незаметно, застав меня врасплох.

Я приобнял его и повёл к выходу.

— Не знаю, дорогой, — сказал я, подталкивая его к дверям. — Но думаю, ты разберёшься.

3

Кто-то оставил мне коробку, обёрнутую яркой подарочной бумагой в офисе охранного агентства «Рыцарь».

Валентин Карманович позвал меня, когда я продолжал стучать по автомату с кофе, но тот продолжал игнорировать меня.

— Кто-нибудь должен наконец починить эту штуку, — сказал я, молотя по панели с кнопками.

— Забудь об этом. Лучше взгляни на то, что прислали. Тебе.

Обычно он говорил с юмором, даже в стрессовых ситуациях, чему другие у него могли только поучиться. Но сейчас тон его был серьёзным и настороженным. Взглянув на него, я увидел, что он озадачен. Выгоревшие брови нахмурились, состарив его ещё больше. На лбу выступили несколько глубоких морщин.

— Что-то от моей бывшей? — спросил я, надеясь разрядить обстановку.

— Тебе виднее, друг мой.

Мы прошли в комнату дежурного. Спица сидел с покрасневшим от ползания по сугробам лицом на стуле, закинув ноги на стол, и дул на руки, пытаясь отогреть их, как обезумевший фен. Снег таял на его грубых кожаных ботинках: с них капала вода на бумаги, разложенные на столе. Скинув его ноги со стола рукой, так что он едва не упал со стула, я пододвинул к себе коробку, с которой Валентин Карманович содрал упаковку: в такую заворачивают подарки на дни рождения и новый год. Картонная коробка выглядела обычной. Посмотрев на Спицу, я спросил, что там.

— Мне откуда знать? Старик вскрыл её без меня. Я бы и сам мог, если бы знал, что тебе и правда плевать.

Валентин Карманович, который стоял за ним, отвесил Спице подзатыльник. Он терпеть не мог, когда юнцы называли его стариком. Спица сморщился и замолчал, обиженный. Сильнее подул на руки, зарывшись в сложенные и поднесённые к лицу лодочкой ладони.

Заглянув внутрь коробки, я увидел записку, лежащую поверх бумажного наполнителя: множество тонко и ровно нарезанных завитков розовой бумаги, как будто пропущенной через шредер. Развернув записку, я прочитал отпечатанные на ней слова.

«В твоём багажнике было так темно и душно, что я едва мог дышать. Интересно, а сколько сможешь не дышать ты?».

Спрятав записку в задний карман джинсов, я потянулся к наполнителю, собираясь вернуть его. Но Валентин Карманович перехватил мою руку.

— Не думаю, что это хорошая идея, Миллер.

— Ты видел, что в записке?

Он кивнул, глядя мне в глаза.

— Ясно. И видел, что внутри коробки?

— Нет. Туда я не заглядывал.

— Что, если там бомба? — сказал Спица, но когда мы посмотрели на него как на идиота, откинулся на стуле, подняв руки. — Сдаюсь, делайте, что хотите.

— Если бы это была бомба, она бы уже рванула, умник, — сказал Валентин Карманович. — Сразу же, как я открыл коробку.

— Как выглядел курьер? — спросил я, обращаясь к Спице.

— Да обычный такой. Пришёл, оставил коробку и вышел.

— Ты расписывался в бланке о доставке?

— Нет, а что это?

— И не спросил, от кого посылка?

— Сказал же, я думал, что у тебя день рождения или типа того. Думал, может, это твоя бывшая так развлекается.

При упоминании о Соне в глазах у меня потемнело. Валентин Карманович понял всё без слов.

— Иди-ка ты Спица отсюда. Глянь камеры видеонаблюдения. Найди нам запись, где этот парень приходит. Съебись, короче. Давай.

Спица оробел, не зная, как поступить. Ждал моего согласия, но я молчал, тяжело дыша.

— Бегом, Спица! — скомандовал Валентин Карманович.

Высочив из-за стола, Спица направился в другой конец комнаты, где стояли мониторы, транслирующие видео с трёх камер, расположенных как в офисе, так и снаружи здания.

Валентин Карманович приблизился ко мне и спросил, как я.

— Порядок.

— Уверен? Может, юнец прав? Это её рук дело...

— Со мной всё хорошо, мать твою!

Он отступил от меня на пару шагов, словно опасаясь, что я наброшусь на него.

— Тогда давай узнаем, что внутри, — сказал он, уступая, и толкая ко мне коробку. Она скользнула по столу в мои руки.

Внутри я нащупал под бумажным наполнителем что-то изогнутое, и первой мыслью было, что это змея, но я поборол испуг и выудил эту штуку на свет.

— Что за нахрен, Миллер?

Входные двери офиса хлопнули. По коридору, стуча ботинками и отряхивая с них снег, шли люди.

Оторвавшись от мониторов, Спица повернулся на голос Валентина Кармановича. Поймав мой взгляд, повернул голову на звук шагов.

Встревать в разговор он не стал.

В руке у меня была удавка, сделанная из плотной шершавой верёвки. Я держал её за петлю, вытянув перед лицом.

Шаги в коридоре стихли. В комнату дежурного вошли Крамм и Вонь-чи-вонь Пипетор: двое других парней из нашей группы. Я стоял к ним спиной с удавкой в руке и узнал их по голосу.

— Снова эта ублюдская работа! — взмолился Крамм, протягивая руку сначала Валентину Кармановичу, а потом мне. — Господи, когда меня уже уволят?

— В следующей жизни, — ответил я. — Даже не мечтай об этом.

— Ни за что не поверишь, что со мной случилось сегодня днем. Сплю я, значит, после смены, третий сон вижу. И вот меня будет жена. А мне снится, что я на вызове, в баре, дерусь с кем-то. Жена хватает меня за руку, трясёт, а я не понимаю, что это она. Я же сплю, верно? Так вот я подпрыгиваю, открываю глаза, или наоборот, но в итоге просыпаюсь только от того, что жена кричит. Оказывается, я стал душить её сквозь сон. Типа боролся с очередным пьяным ублюдком. И всё во сне. От этой работы мне точно нужен перерыв. Желательно, до конца жизни.

— Ну, это ещё нормально, — сказал Валентин Карманович, как будто с ним такое происходило каждый день.

Я пожалел, что открыл коробку здесь, при других людях. Обменявшись с нами рукопожатиями, Крамм швырнул Спице рацию через всю комнату. Высокий, широкоплечий, с бритой под станок головой и татуировкой драконьей пасти на весь череп. Одетый, как и все «рыцари», в чёрную форму. Спица кое-как поймал рацию дрожащими руками, едва не выронив её.

— Почини-ка эту детку, сынок. Только будь с ней нежен.

— И принеси нам кофе. Раз автомат до сих пор не сделали. Мы будем в комнате отдыха, — сказал Вонь-чи-вонь Пипетор, проходя мимо и не здороваясь. Он носил солнцезащитные

очки с тех пор, как сделал операцию на глаза по улучшению зрения. На чёрных стёклах осели капли воды от растаявшего снега.

— Сами сделаете, немощные, — ответил он, гнуся.

— Смотрите у кого голос прорезался, — сказал Вонь-чи-вонь Пипетор, возвращаясь к нам.

— У Спицы спецзадание, — сказал Валентин Карманович, имея в виду, что он смотрит по камерам, кто принёс посылку.

— Вот как? И от кого же? — спросил Вонь-чи-вонь Пипетор, скривив морду.

— От меня, — сказал я. На этом он заткнулся.

Валентин Карманович забрал у меня удавку и, отвернувшись так, чтобы другие не видели, убрал её в коробку. После чего закрыл её и, забрав с собой, вышел на улицу со словами:

— Жду тебя в машине, Миллер.

— Не забудь принять таблетки, папаша. От деменции, — сказал Вонь-чи-вонь Пипетор, обращаясь к Валентину Кармановичу. Тот, проходя мимо, лишь изобразил рукой говорящий рот и проворчал: бла-бла, молокосос.

Я переключился на Спицу, который уже подорвался со своего места, не зная, как ему быть. Заниматься камерами видеонаблюдения, наливать кофе или чинить рацию. Он потел, как на пляже в жаркий день.

— Изучай видеозаписи, — сказал я.

Спица вернулся к мониторам, косясь на нас.

Вонь-чи-вонь Пипетор в шутку попытался подловить меня, ударив мне под дых, но я среагировал. Перехватил его руку, вывернул её и, ударив его ногой по икре, заставил опуститься на колено спиной ко мне.

— Какого хрена ты творишь, Миллер? — взвыл Вонь-чи-вонь Пипетор. — Совсем обезумел? Отпусти меня, псих отмороженный!

— Отпусти его, брат! — сказал Феликс, выйдя из спортзала. Он переоделся и был готов работать: сто двадцать килограммов мускулов скрылись под рабочей формой «рыцарей». — Это чмо того не стоит.

— Кого это ты назвал чмом? Жалкий перекачанный кусок говна!

Совладав с собой, я разжал пальцы, которые сцепил вокруг его руки. Он подскочил и подошёл ко мне вплотную. Он был ниже меня на голову, а в круглых чёрных очках напоминал копа-неудачника из старых американских фильмов.

— Никогда так больше не делай, понял меня?

— Иначе что? — спросил я, не спуская с него глаз.

— Идём, Вонь-чи-вонь, — поторопил его Крамм, смеясь. — Пропустим серию.

— Плевать мне на твой сериал, Крамм. И не зови меня так, понял?

— Ага. Как скажешь. Пошли.

Вонь-чи-вонь Пипетор отвёл взгляд от меня и недовольный последовал за своим напарником в комнату отдыха, где был телевизор.

— Они смотрят «Криминальную Россию». И всегда вместе, — сказал Феликс, тыкая меня локтем в рёбро. — Помнишь, как он выходил в нашем детстве?

— Да хоть порно пускай смотрят. Их дело. И Криминальная Россия выходила раньше. Мы смотрели эту хрень на кассетах. После школы. У меня дома.

— Да ну? Хотя возможно. Мой отец говорил, что это всё по настоящему.

— У твоего отца-алкоголика нашли шизофрению, так что он, вероятно, и правда так думал.

— Да пошёл ты, Миллер, — ответил Феликс, рассмеявшись. Он не обижался, когда я упоминал его отца. Он был частым гостем у меня дома, и мы росли как братья.

Балаган прекратился, когда раздался телефонный звонок, в половину девятого. И тогда все мы замолчали, прекратили шутить и спорить друг с другом. Из комнаты отдыха показались Крамм и Вонь-чи-вонь Пипетор. Крамм скрестил пальцы, молясь, чтобы это был не вызов. Феликс стоял, уперев руки в рабочий стол Спицы, который так и норовил треснуть под мощью его рук.

— Вас понял, — ответил Спица, говоря по телефону. Его лицо стало серьёзным, как только он ответил на звонок. — Вызов принят. Группа быстрого реагирования выезжает.

Крамм закатил глаза. Феликс хлопнул в ладоши и широкими шагами отправился к выходу.

— Гильза с вами, парни, — сказал Феликс на прощание. — И он сегодня в романтическом настроении. Если вы понимаете, о чём я.

— Нет, Миллер, дай нам Феликса, а Гильзу заведи с собой, — взмолился Крамм.

— Скажи спасибо своему другу в очках кота Базилио, — ответил я. — Гильза с вами.

Вонь-чи-вонь Пипетор спросил, недоумевая:

— Это всё из-за того, что я нагрубил старику? Да брось, Миллер! Ты ведь это несерьёзно, да?

— Ты снова нагрубил. И он тебе не старик, — ответил я, покидая их.

Вдогонку Спица назвал мне адрес бара, из которого поступил вызов, и пообещал, что когда я вернусь, он найдёт запись с курьером, принёсшим коробку. При условии, что я обещаю подумать о кандидатуре Кляксы.

— Кого? О чём?

— Ну, о том парне, про которого я тебе говорил. С родимым пятном который.

— Вакансий в ГБР нет, так что отъебись от меня с этой хернёй!

— А что мне делать с журналом инструктажа? Чиф сказал, чтобы каждый ставил свою подпись сам, как только придёт на смену.

— Чиф, конечно, шеф этого охранного агентства, но он иногда забывает, как важно среагировать вовремя. Бумажки отвлекают, Спица.

— Но Миллер, что мне самому за всех расписываться?

— Этого я тебе не говорил, — ответил я и подмигнул ему: — И почини рацию Крамма до того, как поступит следующий вызов. Будем на связи.

Я вышел из офиса, и наконец-то сбросил с лица улыбку, ломившую мне скулы и тяготившую меня. Терзаемый сомнениями и думая лишь о коробке с петлёй, я направился на подземную парковку, где в чёрной машине с эмблемой «Рыцарь» на дверях меня ждали мои напарники. Завидев меня, они засигналили, как сумасшедшие, подгоняя меня, вынудив перейти на бег. Это меня не тяготило: в свои тридцать лет я был в хорошей физической форме.

Ночь начиналась, и кто знал, кого она могла принести мне сегодня?

4

Вызов поступил из бара «Кампост», где обычно ничего не происходило.

Сегодня здесь собралась разношёрстная компания. Группа заурядных зумеров с длинными крашеными волосами, одетых в чёрные балахоны, как прислужники сатанинского культа. Они спорили с растолстевшими хипстерами, чьи бороды поредели и выгорели, а лысины скрывались под вязаными шапками. Столкновение поколений, и всё из-за девчонки.

— Альтуху не поделили что ли? — спросил Феликс у того из хипстеров, кому разбили нос и выбили два передних зуба, одетого в клетчатую рубашку и красные подтяжки. Он покосился на обручальное кольцо на пальце мужика с подтяжками, пока тот сидел на высоком барном стуле, запрокинув голову, прижимая к лицу окровавленные салфетки. На заляпанной кровью и усыпанной осколками стекла и зубов барной стойке валялась гора красных скомканных салфеток.

— Кого не поделили? — спросил Валентин Карманович, смотря на меня, как рыба на рыбака: хлопая глазами, беззвучно шевеля губами.

— Девчонку, готку, — объяснил я, полагая, что так ему будет понятнее. — Не бери в голову. Где нападавший?

— Закрылся в туалете, — ответила девушка-администратор с крашеными волосами и пирсингом по всему лицу. — Он сильно перепил. Не хотел платить за счёт. Потом ударил посетителя трижды, а ещё разбил бутылку об стойку и спрятался в туалете.

— Всё именно в такой последовательности? — спросил Феликс, издеваясь над ней или заигрывая.

— Я сразу нажала тревожную кнопку.

— Не очень умно с его стороны, — сказал Валентин Карманович, не выпуская рук из карманов форменной куртки. Лицо его выражало скуку. — Всё заурядно, Миллер. Парень труп.

— Вы думаете, он там себя... того? — спросила девушка, в голосе её не было страха, только интерес.

— Мы думаем, что ничего не думаем, — ответил Феликс.

Ни он, ни я не были фанатами тех вызовов, где всё решалось ещё до нашего приезда.

Хлопнув побитого парня по плечу, так что тот едва не слетел со стула, Феликс направился к туалету, расположенному в углу зала.

— Вызовите скорую, — сказал я администратору, шагая за Феликсом и щёлкая пальцами в такт поп-рок-музыке, игравшей из колонок где-то под потолком.

— Уже вызвала. Но их всё нет.

— Побудь с пострадавшим, — сказал я, обращаясь к Валентину Кармановичу. Он кивнул.

Феликс готов был сразу выломать дверь, но я остановил его. Постучал по ней. Раз, два. Ответа не последовало.

— ГБР. Выходите.

Тишину за дверью нарушал звук бегущей из крана воды.

— Эй! Администратор! — крикнул я девушке с пирсингом. Она перегнулась через барную стойку. — Есть ключ от туалета?

— Нет. Он остался у администратора дневной смены.

— Ясно. Ломай, брат.

Здесь же возле туалетов стояло кресло под включённым торшером, окружённое деревянными стеновыми панелями. Опустившись в него, я закурил, скидывая пепел в вазу с искусственными цветами. Почти все столы в зале были заняты посетителями. Люди смотрели на нас

с интересом, но как только я встречался с кем-то из них взглядом, отводили глаза. Я искал среди них того, кто, возможно, нуждался бы в моём спасении, но все они были на одно лицо: любопытные и пьяные.

Внимание привлекла рыжеволосая девушка. При нашем появлении она ретировалась, захватив верхнюю одежду с собой, даже не одевшись. У меня появилось смутное ощущение, что она была в багажнике моей машины. Что я похитил её, отвёз на обрыв к реке, и там спас её. Если и так, это было давно. Но прежде, чем я успел разглядеть её здесь в баре, она скрылась.

Феликс выбил дверь с ноги. Потребовался лишь один удар. Замок вылетел, дверь распахнулась внутрь. Нам представилось интересное зрелище.

Помещение было узким и длинным. Парень, устроивший драку, спал, сидя на унитазе со спущенными штанами, привалившись головой к стенке из сине-зелёного, цветом похожего на морскую волну камня. Пахло испражнениями, перекрыть которые не могли даже дымящиеся ароматические палочки, торчавшие из флаконов на полке. В раковину лилась вода из крана.

— Включил воду, чтобы не слышно было, как он срёт, — сказал Феликс.

— Может, он собирался помедитировать, а ему мешали?

— Или он Бугимен и хотел лишь унести в сток. Как в тех играх на приставке, помнишь?

— Ага. Давай разбудим его и узнаем.

Феликс отвесил парню пощёчину, тот вздрогнул, как птица на ветке. Красные глаза распахнулись: в них читалось удивление. Он похлопал себя рукой по голым ногам, потом пошарил по широким спущенным штанам и, найдя разбитую бутылку, валявшуюся на полу, схватился за горлышко. Поднимаясь с унитаза, он направлял бутылку на Феликса, словно нож.

— Назад, придурки. Убью нахуй, — сказал парень, подтягивая штаны свободной рукой.

— Жопу вытри, уёбище, — сказал Феликс.

— Мама твоя пускай мне вытрет.

И прежде, чем парень успел что-либо осознать, Феликс ударил его кулаком по руке, попав точно в запястье. Парень взвыл и разомкнул пальцы. Разбитая бутылка вылетела и приземлилась на край раковины: осколки тёмного стекла разлетелись по полу. Парень удивлённо выдохнул, словно не понимал, что именно с ним происходит. Копна чёрных крашенных волос упала ему на лицо, прикрывая глаза. Феликс ударил парня ногой в живот, и тот попятился, цепляясь руками за стены, но не устоял и снова сел на унитаз. Феликс схватил парня за горло, притянул к себе и вытолкнул из туалета. Он упал к моим ногам, голой обосранной жопой кверху. Потушив окурки об подошву ботинка, я поднял парня и потащил через весь бар, держа за шиворот, под хохот посетителей. Некоторые из гостей уже достали телефоны и снимали нас на видео. Обычная практика, которую с годами перестаёшь замечать.

— Скучный улов, — сказал Валентин Карманович. — Полицию вызвали. У пострадавшего серьёзные травмы. Собирается писать заявление.

— Я засужу этого мелкого ублюдка, — провоцил побитый хипстер, шепелявя, так как зубов у него теперь не хватало.

Смерив пострадавшего взглядом, я решил, что это его право. Впрочем, на его месте, я оторвал бы этому типу башку и дело с концом.

— Слышишь, что говорят? Ты встрял, боец.

— Отвали от меня, мудака, — ответил парень, который был пьянее ночи.

Я бросил его на барный стул рядом с хипстером, который додумался заткнуть ноздри, запихнув в них тампоны. Их, видимо, ему вежливо предоставила девушка с пирсингом. Переводя вопросительный взгляд на администратора, я спросил, её ли это?

— Нет. Нашего шеф-повара Вадима. Конечно, моё.

— Я спрашивал, твоя ли это идея, но ладушки.

Глаза зумера-буяна слипались. Он боролся с сонливостью, но безуспешно. Через минуту он захрапел. Тело его обмякло, он сполз со стула.

Потеряв интерес к угасавшему представлению, посетители убрали телефоны и отвернулись. Феликс подозвал бармена и заказал пива. Бармен округлил глаза, но принял заказ.

— Ну и тоска, — сказал Феликс, сложив руки за барной стойкой и положив на них голову. Потом широко улыбнулся и спросил у девушки с пирсингом: — Ну, до какого времени работаешь, детка? Может, я вернусь позже и провожу тебя до дома, что скажешь?

— Ну если тебе так хочется, — ответила она, хлопая длинными и загнутыми нарощенными ресницами.

— А есть у тебя подруга какая, нет? Для моего брата?

— Он не выглядит расположенным к общению.

— Слышал, Миллер? У тебя опасный вид.

— Я не так сказала. Но смысл, наверное, именно в этом.

— Нахуй это место, — сказал я, направляясь к выходу.

Валентин Карманович зачерпнул горсть орешков из тарелки, которая стояла у побитого хипстера. Грызая их на ходу, он последовал за мной.

— Подождите! — сказала девушка с пирсингом, округлив глаза. Она указала на спящего на стуле зумера, устроившего весь этот переполох. — Вы что, оставите его так?

— У нас нет наручников, если ты об этом, — сказал я.

— Но он только что напал на человека. Вы в своём уме вообще?

— Полиция и скорая в пути, — повторил Валентин Карманович, щёлкая орешки.

— А если он очнётся и доведёт начатое до конца? Вам что, совсем плевать?

— Нет, конечно, — ответил я, борясь с желанием рассмеяться.

Я взял парня, сидевшего с опущенной головой, за подбородок. Поднял его голову, откинул его длинные волосы, чтобы посмотреть ему в глаза. Они оставались закрытыми. В ответ на мои прикосновения он что-то пробурчал.

— Дай-ка мне эту свою хреновину, дружище, — сказал я, обращаясь к хипстеру, из чьего носа и рта текла кровь.

Прежде, чем он понял, что происходит, я снял с него красные подтяжки и привязал ими зумера к стулу. Концы стянул в тугий узел за спинкой. Чтобы он не упал и не вырвался, если проснётся.

— Хорошего вечера, — сказал я, уходя, и поправил коричневую кепку, которая была на мне.

Феликс забрал пиво в стеклянной бутылке и, плотнув, поторопился догнать нас.

— Эй! Сопровождающий! А платить кто будет? За пиво!

Уже стоя на каменных ступеньках, ведущих на улицу, Феликс указал на привязанного к стулу зумера-буяна и сказал удивлённой девушке с пирсингом, с которой только что заигрывал:

— Так обосранный платит. Он не против. По нему видно же.

5

Связавшись со Спицей, Феликс узнал, что следующий вызов забрали Крамм, Вонь-чивонь Пипетор и Гильза. Выехали в клуб «Лохмотья», где была массовая драка. Какому-то парню выбили глаз: там явно творилось мракобесие.

— Вот это повезло, — сказал Феликс, вздыхая. Смотря на дорогу, он отхлебнул пива из бутылки, передал мне. Я отказался. Он знал, что я не пью, но всякий раз не упускал возможности подловить меня. — Не то что нам.

— Свяжись с ними и скажи, что мы скоро будем, — подал голос я.

— Не получится. — ответил Спица, цокая. — У них рация сломана, забыл?

Мы свернули с проезжей части и углубились в тёмные дворы. Допив пиво в два глотка, Феликс открыл окно и выбросил бутылку на тротуар, где она разбилась, попав на скрытый под снегом бордюр.

— Упс, — сказал Феликс и рыгнул, как последняя скотина. Крича в рацию, точно псих, он спросил у Спицы: — Ты что, наседка, так и не починил их рацию?

— А когда я мог бы? Этим рация, тем запись с камеры. Еще на вызовы отвечай.

— И про кофе-машину не забудь, — сказал Валентин Карманович. — Нужно отремонтировать.

— Вашу же мать! — взмолился Спица. — Я ненавижу вас, парни. Вы знаете, да?

— Так что там с видеозаписью? — спросил я, не обращая внимания на его стенания.

— Какой записью? — поинтересовался Феликс, но я отмахнулся от него: мол, не забивай голову ерундой.

— В работе, Миллер. У меня лишь пара рук и два глаза.

— Хуёво тебе, значит, — ответил Феликс, как будто у него что-то было иначе.

— И не забудь вызвать ремонтника, чтобы починить наконец кофе-машину, — повторил Валентин Карманович. — Чтобы он завтра же всё исправил.

— Сколько тебе говорить! Это не кофе-машина, а автомат с кофе, — ответил Спица, теряя терпение.

— Спица? Слышишь меня?

— Что, Карманович?

— Хорошо слышишь?

— Ну допустим, да.

— Пошёл нахуй, умник! Ты ещё из отцовского члена не вылетел, когда эти самые машины и автоматы придумали. Когда я ими пользовался с такой же частотой, как девкам вставлял. Понял меня, нет?

— Кхе. Да. Понял, Карманович.

— Вызови специалиста. Конец связи.

Валентин Карманович сидел на пассажирском сиденье, в ногах у него валялась коробка, которую мне прислали. Она успела отсыреть: на резиновом коврик в ногах собралась лужа. Пнув её, он посмотрел на меня с немым упреком, но я покачал головой. Не сейчас. Не при Феликсе. Вот что я хотел ему сказать. И он всё понял, и донимать меня не стал.

Мы помолчали, обдумывая, куда ехать дальше в таком случае. Возвращаться в офис не хотелось. Ночь это движение, а оно, как известно, жизнь. А жизнь это то ещё безумие. И всё безумие мужчин от тоски, так говорил мой отец, поэтому посвятил всю свою жизнь изучению и созданию чего-то нового.

Валентин Карманович предложил прокатиться до Центрального парка, чтобы немного прогуляться и понаблюдать за висавшим там бомжам, которые собирались под мостом. Точнее одной конкретной бомжихе. Нашей любимице. Идея была так себе, но других не было.

Феликс свернул на перекрёстке, занял неверную полосу и, вдавив педаль газа, заставил нашу служебную машину ехать чуть быстрее, обгоняя другие автомобили со скрипом: старое ведро не было способно на большее. Сидя на заднем сиденье, я курил в открытое окно, выдыхая дым на мороз, изучая пробежавшие мимо огни города, в котором я родился и вырос. Когда мне это надоело, я выплюнул сигарету на дорогу, покрытую заледеневшей слякотью, опустил кепку так, чтобы козырёк прикрывал глаза, и сложив руки на груди, задремал.

Меня разбудил спор моих напарников. Они обсуждали, есть ли оправдание изменам в браке.

— Когда проживёшь с моё, поймёшь, — козырял Валентин Карманович, доказывая Феликсу, что его мнение для него ничего не значит.

— У тебя всегда так. Чуть что не по-твоему, сразу прячешься за опытом. Но ты назови мне объективную причину, почему нельзя изменять жене. Сколько ты со своей уже вместе?

— Тридцать пять лет.

— И ты ни разу ей не изменял? Не верю.

— Хочешь верь, хочешь нет. Но так всё и есть.

— Эй, Миллер? Ты спишь там что ли?

— Нет. Всего лишь умер. О чём речь?

Не сдержавшись, я зевнул во всю пасть, как пёс. Ночь становилась всё скучнее.

— Ты изменял своей жене? Когда вы были вместе?

— Заходишь на опасную территорию, — предупредил его Валентин Карманович.

Феликс и сам знал ответ, так как был знаком с моей бывшей женой лучше других. Но конкретно сейчас ему нужен был союзник в споре, чтобы утереть оппоненту нос.

— Каждый день, — ответил я.

— Да ну? И с кем?

— С твоей младшей сестрой, — ответил я.

— Ей сейчас всего двадцать два, придурок.

— Как и твоей последней подружке.

— А этой девке с проколами в баре и того меньше, — добавил Валентин Карманович.

Он рассмеялся. Протянул мне ладонь, не оглядываясь, и я ударил по ней.

— Ладно-ладно. Сговорились, значит, — сказал Феликс, сжимая руль сильнее.

В голосе Феликса не было обиды, только насмешка и скрытая угроза отомстить мне при возможности. Развивая мысль, он продолжил говорить, не отрываясь от дороги: дворники работали не переставая, сметая падавший на лобовое стекло снег.

— Мне интересно, как это может не надоедать? Спать с одной и той же женщиной годами? Или хуже того десятилетиями? Ты ведь всё уже там знаешь. Ничего не ждёшь и просто трахаешь, без фантазии и азарта.

— Так вот ты кто? Азартный фантазёр? — спросил я, давясь смехом.

— Не все отношения держатся лишь на сексе.

— А на чём же, по-твоему, Карманович?

— Забота и понимание, — ответил он, ёрзая на сиденье. — Секс пройдёт, и останется нечто большее. Уважение. Именно оно не позволит тебе изменить жене. Как бы тебе не хотелось.

— Значит, тебе хочется, но ты себе не позволяешь, верно?

— Я выхожу из этого бессмысленного спора, молодой человек. Ты невежественен.

— Ну ты и завернул. Может, я и не образован, но я очень даже... вежественен.

— Ага. Так сразу и видно. На дорогу смотри, пока не угробил нас.

Стиснув зубы, я прогнал мысли о Соне, своей бывшей жене. Перед глазами встала сцена, как я застукал её в кровати с другим. Где она и с кем сейчас? Это не должно было меня вол-

новать, но всё было наоборот. Мысли о ней были тупиком, и загонять себя в него снова я не намеревался.

Мы остановились на въезде в Центральный парк. Феликс взял рацию с собой, закрепив её на поясе. Сказал, что ему нужно отлить. Когда он вышел из машины и скрылся в кустах, я попросил Валентина Кармановича отдать коробку, предназначавшуюся мне.

— Объяснишь, что всё это значит?

— Не думаю, что ты хочешь знать.

— Ты прав. Не хочу. Но объяснить надо.

— В другой раз.

— А будут и другие посылки?

— Вопрос не по адресу.

— Может, обратишься в полицию. Чтобы зафиксировали хотя бы. А то выглядит как угроза.

— Угроза в этом вопросе лишь одна. И это я, дорогой. Так что расслабься и не волнуйся за меня.

— Легко сказать.

С зажатой под мышкой коробкой, я выбрался наружу. Подойдя к ближайшей урне я выбросил посылку вместе с удавкой. Пошарив в заднем кармане своих выцветших джинсов, нашёл записку и, перечитав её, отправил вслед за коробкой. Теперь это был лишь мусор в парке. Желание причинить кому-нибудь вред усилилось.

— Очень по-взрослому, — сказал Валентин Карманович.

— Только не надо меня осуждать. Это личное.

— Я и не думал. Я даже не знаю, о чём идёт речь. Но кто бы ни был отправитель, он настроен решительно. Раз не побоялся прийти в наш офис и оставить такое. Думаешь, он остановится на одной лишь посылке?

— С радостью встречусь с ним. Лицом к лицу. Если он заявится снова.

— Это понятно. Другого от тебя я и не ожидал. Но будь осторожен, ладно? Во что бы ты ни ввязался.

Вернулся Феликс, застёгивая ширинку, и втроём мы направились по заледевавшему тротуару вглубь парка. Дорогу нам освещали фонари, расположенные по обеим сторонам. Из наших ртов вырывались облачка пара. Скользя, мы то и дело могли упасть, но каждый раз подхватывали друг друга. Мои напарники быстро замёрзли и стали ныть, говоря, что это была тупая идея: тащиться сюда. На мне же поверх форменной чёрной куртки была коричневая куртка моего отца с мехом. Кепка защищала от ветра: тот гнал снег, который не попадал мне в глаза.

Спустившись под каменный мост, мы отыскиали трубу диаметром в метр, расположенную в стене. Я снял кепку, и мы накидали туда бумажные деньги. У кого сколько было. В основном мелочь.

Посветив внутрь трубы ярким фонариком с длинной рукояткой, Валентин Карманович помяукал, но ответа не было. Свет проходил насквозь, у трубы было два входа-выхода.

— Может, она ушла с другой стороны, когда услышала нас? — сказал он.

— Или скрылась в тёплом местечке? Как утки. Знаете, зимой они всегда держатся подальше от воды. Тусуются на теплотрассе у торгового центра, — сказал Феликс, расстраиваясь.

— Кто, Ангела? Она здесь, как дома.

— Когда Гильза искал жильё, я предлагал ему поселиться у неё. В этой трубе. Но он почему-то отказался.

— Интересно, почему?

— Кстати, он сейчас живёт в каких-то премиальных апартаментах. Большая квартира в новом жилищном комплексе. С консьержем и закрытым двором. Слышал об этом, Миллер?

— Да. Но я не вникал.

— Наверняка за него девчонка платит. Ты в курсе вообще, как Гильза хвастался Крамму, что девчонка у него богатая? Везучий ублюдок.

Валентин Карманович постучал ручкой фонарика по трубе, раздалось эхо.

Феликс сказал, заглянув внутрь трубы:

— Выходи, сука. Я слышу, как ты пердишь. Мне холодно.

Это рассмешило его. Валентин Карманович покачал головой, жалея, что вообще в этом участвовал.

— У нас есть деньги, детка, — сказал я, шурша купюрами, которые достал из кепки и теперь держал в руке, а саму кепку уже вернул на голову, чтобы не замёрзнуть.

В трубе послышалось шевеление. Показалось бледное отёкшее лицо, прикрытое слипшимися обесцвеченными волосами.

Анжела, одетая в грязные лохмотья, прикрыла опухшие глаза заскорузлой ладонью. Свет фонарика бил ей в лицо.

— Яркость убавь, — ответила Анжела пропитым хриплым голосом.

Валентин Карманович выключил его и спрятал фонарик за ремень брюк.

— Это мы. Твои фанаты. Выходи, не бойся, — сказал я.

— Ага, фанаты. Как же.

Порванная юбка, не видевшая стирки годами, цвет которой было уже не определить, задралась, когда она выбиралась из трубы, и мы отвернулись, уставившись на ручей. Узкий и покрытый островками снега, он протекал под мостом и, скрываясь среди голых деревьев, шёл через весь парк.

Выпрямившись, Анжела смотрела на нас, переминаясь с ноги на ногу.

— Что на этот раз, психи?

— Немного танца, детка. Всего-то. Это тебе по силам?

— Как вы достали меня.

— Тише. Мы ведь не говорим полиции, что ты здесь живёшь, верно? — ответил Феликс.

— А можем и сообщить, — сказал я.

— Чёрт с вами. Танец, так танец. Деньги вперёд.

Передав ей деньги так, чтобы не касаться её пальцев, я опёрся плечом на каменное основание моста и закурил. Феликс достал телефон, включил камеру и направил на Анжелу, возраст которой варьировался от тридцати до ста лет. Валентин Карманович встал рядом со мной, опасаясь попасть в кадр. Выудив из кармана куртки орехи, стал грызть их. Протянув горсть, он предложил мне, но я отказался.

— Кино и без попкорна? — спросил он, смеясь.

— Какое тут кино. Жалкая пародия, — ответил ему Феликс, смотря на Анжелу через экран телефона. — А что на это сказала бы твоя жена? Посчитала бы за измену?

— Она бы домой меня не впустила, если бы узнала, чем я тут с вами идиотами занимаюсь.

— Просто ты такой же псих, как и все мы. Полагаю, что об этой твоей стороне жена не знает.

— У всех есть свои тайны. И в браке их не меньше, чем мандавошек у шлюхи.

— Вот это уже другой разговор. Значит, ты готов признать, что получаешь кайф от того, что мы здесь делаем?

— Я просто убиваю время. Разгоняю тоску.

— Ага, как же, — ответил Феликс, подначивая его.

— Мы так и будем стоять? Я приехал сюда не языками чесать, а представление смотреть, — сказал я, замерзая.

Феликс хмыкнул, словно анализируя сказанное.

— Шевелись, — сказал он, обращаясь к Анжеле. — Мы ведь уже говорили, как нам не нравится, когда ты впустую тратишь наше время. В прошлый раз. Или в позапрошлый.

— Я ещё не проснулась, мальчики.

Анжела кружилась вокруг своей оси, пытаясь удержаться на цыпочках. Поднимала руки над головой, кланялась нам, на манер полудохлой балерины. Мы подбадривали её, говоря, что у неё хорошо получается. Говорили ей, продолжать. Вот так, давай. Развернувшись, она нагнулась и задрала юбку. Я подавил зевоту, гадая, когда нам это надоест и надоест ли вообще. Напарники отвернулись, возмущившись, но Феликс продолжил снимать, даже не глядя на неё.

Потом Анжела сделала то, что ей строго-настрого запрещалось: подошла к Феликсу с намерением пообниматься с ним. Протянув к нему руки, она сказала:

— Иди ко мне, милый. Ты ведь хочешь этого.

Феликс попятился от неё, отнекиваясь. Оступился и, соскользнув с тротуара, упал в ледяную воду. Я дёрнулся, чтобы поймать его, но не успел. Раздался всплеск. Феликс вынырнул с визгом, похожим на звук, который издают мужчины, когда им крутят яички. Стоя по пояс в воде, он материл Анжелу, которая ржала, как сумасшедшая, показывая на него пальцем.

— Ааааа! Мужики! Хо-холод... с-с-собачий!

Мы помогли ему выбраться из воды. С его одежды лило, как с переполненной ванной.

— Срочно в машину, — сказал Валентин Карманович.

— Охладил свой торчащий отросток, придурок? — спросила Анжела, заливаясь смехом ещё сильнее.

— Ах ты сука такая! Сказано тебе было, не подходи к нам, — сказал я.

Поймав мой разгневанный взгляд, она ловко нырнула в трубу и скрылась с наших глаз.

— К-кажется... я... т-телефон... утопил...

— Хрен с ним. Бегом! Ну же.

В темноте парка её смех, доносившийся из трубы, преследовал нас, наводя ужас.

Всё ещё заикаясь, Феликс собрал силы и заорал с яростью в голосе:

— З-завтра... я вернусь... с-со сварочным... аппаратом и заварю... эту д-дыру... вместе с тобой... внутри. С-сука!

Рация зашипела. Феликс попытался снять её с пояса, но его руки дрожали. Пришлось мне. Ответив на вызов, я выслушал адрес, по которому нас ждали. Бар «Ректальный Клевер».

Мы уже вышли на главную дорогу, которая вела к выходу из парка.

Обнимая Феликса, Валентин Карманович поспешил увести его к машине.

Я отстал от них, чтобы спросить Спицу, что там с видеозаписью.

— Нашёл. Я отправил бы тебе запись в Сети, но тебя нет в интернете. Чёрт, да у тебя телефона даже нет. Почему так, Миллер? Отмахиваясь от этого, ты здорово усложняешь жизни другим, приятель.

Это я мог усложнить ему жизнь: здесь и сейчас. Он напрашивался на боль, заслуживал её, но меня больше волновало видео и человек на нём, чем перевоспитание дежурного.

— Я не живу в цифре. Что с курьером? Знаешь его?

— Забыл сказать. Там видно курьера, но не его лицо. Он был в капюшоне и балаклаве. Прости.

Выругавшись на него, я вернулся к машине. Достал из багажника пледы, которые мы возили с собой, чтобы укрываться ими, когда спали в машине. Накинул все, что были, на Феликса, который лёг на заднем сиденье, стуча зубами, поджав под себя ноги. Машина сорвалась с места.

— Куда, Миллер? — спросил Валентин Карманович, ведя машину сосредоточенно, держа руль обеими руками.

— Доставим Феликса в офис. А оттуда уже без него поедem на вызов.

- Я в-в... порядке... мужики. Вы... ч-чего?
- Ты дрожишь, как пиздюк в своей первой драке.
- Может, лучше сразу в больницу его? — спросил Валентин Карманович.
- Да нет, — ответил я. — Он парень крепкий. Выспится и всё будет норм.
- Я... еду... с-с... вами, — промычал Феликс. Губы его посинели.
- Это не обсуждается. Я старший смены. И тебе нужно прийти в норму.

Вызвав Спицу по рации, я приказал ему включить горячую воду в душевой в спортзале, чтобы там образовался пар, чтобы стало тепло к тому моменту, когда мы приедем.

- А ещё вскипяти чайник и найди какие-нибудь лекарства от простуды у нас в аптечке.
- Что не так, Миллер?

Пауза. Взглянув на Феликса, я сказал:

- Феликс провалился в лужу.
- Зимой? И где он только умудрился?

В офисе фирмы мы отвели Феликса, не перестававшего дрожать, в душевую, где уже образовалась парилка. Спица проводил нас взглядом, сидя за столом в комнате дежурного. Избавившись от пледов, мы отправили Феликса под душ прямо в одежде. Он сполз по стенке и опустился на кафель. Горячая вода заливала его, делая хрупким и уязвимым.

- Лучше?
- Д-да... б-брат... спасибо.

Зайдя к Спице, я сказал проверить Феликса через пять минут. Чтобы он там не уснул.

- Большая лужа была, видимо? Раз он насквозь сырой.
- Вроде того, — ответил я. И потребовал показать мне видео, на котором запечатлён курьер.

Спица включил видео, повернул экран ко мне. Три экрана, три камеры, на которые он попал. Первая, наружная, вид курьера сбоку: парень, одетый в спортивную чёрную куртку, лёгкую для такого времени года, в капюшоне и балаклаве подходит к офису с посылкой в руках. Поскальзывается на входе, но сохраняет равновесие. Камера в коридоре, вид курьера со спины: идёт в комнату дежурного, заходит внутрь. Третья камера, в комнате дежурного, но лицо курьера скрыто под маской: парень ставит посылку на стол, что-то говорит Спице и выходит. Снова попадает на камеру в коридоре: выходя из офиса, курьер поднимает два пальца и показывает в камеру.

- Он хотел, чтобы мы это увидели.
- С чего ты взял? — спросил Спица. — Ну показал он пальцы и что такого? Дурачится просто.

— А как ты объяснишь тот факт, что он точно знал, где находится комната дежурного? Твоё рабочее место? Откуда он мог знать, куда нести посылку?

— Может, он и правда работает курьером? Вы ведь постоянно жратву сюда заказываете, а забирать её приходится мне. Выходить на улицу не всегда хочется, вот я и говорю курьерам заходить внутрь. Но этого парня я не узнаю. Хотя тут и узнавать нечего. Лица-то не видно.

- Ты идиот, Спица.
- Что? Почему? Я ведь нашёл тебе видео.

Хлопнув Спицу по плечу, я сказал:

- А в этом ты молодец.
- Его лицо порозовело от похвалы, как при поцелуе.
- Рад стараться. Вас ждут в баре...
- Именно. Не забудь про Феликса. И дай ему лекарства.

— Уже забыл, — ответил он, но сообразив, что я не шучу, добавил: — Конечно, Миллер. Можешь на меня положиться.

- Связь, если что, — ответил я и вышел на улицу.

6

Наша машина заехала на парковку бара «Ректальный Клевер», сбив пристывшие к асфальту пластиковые стулья, стоявшие здесь, видимо, с лета. Жёлтый свет фар выхватил пьяные лица двух парней в кожаных куртках: они избивали бедолагу в длинном драповом пальто с повязанным на шее красным шарфом. Они запинывали его, втапывая в покрытый кровью снег, пока он, скукожившись, лежал на земле в позе эмбриона.

Со словами «вот же суки такие» Валентин Карманович выудил из-под сиденья телескопическую дубинку и, не дожидаясь меня, выскочил из машины, даже не закрыв за собой дверь. Лёгким взмахом руки, точно адский волшебник, он на ходу выпустил из дубинки её спрятанную часть. В следующий миг он уже замахивался дубинкой, держась за резиновую ручку, и опускал её на головы нападавших. Взмах-удар, и так не меньше десяти раз. Слышно было, как треснули кости одного из парней. Следом раздался крик, полный боли и недоумения.

Люди выходили на улицу без курток, закутавшись в пледы, чтобы покурить электронные сигареты и посмотреть на представление. Некоторые посетители достали телефоны и снимали происходящее. Один из них, ничем не примечательный, перевёл камеру на меня. Но убрал её, когда перехватил мой взгляд. Показалось его лицо. Я пошарил в памяти, как в захламлённом чулане, и отыскал его лицо. Я спас его в прошлом году, вывезя на обрыв. Сейчас же он смотрел на меня, как ни в чём не бывало. Я решил, что ошибся.

Подойдя ко входу в бар, где уже собралась приличная толпа, я помог парню с шарфом и в залитом кровью пальто подняться. На лбу сияла шишка, оба глаза были подбиты, разбитые губы треснули, по подбородку стекала кровь. Его измождённый вид вкупе с окровавленным ртом наводил на мысли о вампире. Пришлось дотащить его на себе до каменных ступенек, так как он с трудом стоял на ногах. Он плакал и харкался кровью. Усадив его, я криком позвал администратора.

Когда из бара вышла девушка-блондинка на каблуках, одетая в серые обтягивающие брюки и блузку, она даже не потрудилась протиснуться через толпу. Бросила на меня равнодушный взгляд, полный отвращения. Я сказал ей, чтобы вызвала полицию и скорую. Немедленно.

— Разве это не ваша работа? — ответила она, готовая бросить парня умирать у меня на руках.

— Не будь душой. Позвони им. Сейчас же.

— Сам звони, козёл. У меня работа вообще-то.

Сказав это, она вернулась в бар. Объяснять этой бестолочи, что я не пользуюсь ни телефоном, ни интернетом смысла не было. Окликнув Валентина Кармановича, я спас жизнь одному из тех парней, которого он так усердно лупил дубинкой. Замерев с поднятой над головой дубинкой, покрытый потом, Валентин Карманович отдышался. Понял меня без слов. Пнул напоследок парня, катавшегося по снегу, держась за живот, «свернул» дубинку и спрятал её под куртку. Потом достал телефон и позвонил, куда следовало. До приезда полиции мы оставались на улице. Периодически я хлопал избитого парня по щекам, чтобы он не терял сознание. А Валентин Карманович не давал обоим парням в кожаных куртках, подниматься с земли. Они без остановки материли нас, ссылаясь на свои права. Один заявил, что если пролежит в снегу ещё минуту, то у него будет воспаление лёгких.

— Да хоть рак жопы, уёбище, — ответил ему мой напарник. — Закрой рот, пока я не набил его обоссанным снегом.

Эта фраза вызвала смех у толпы наблюдателей. Сказав им, чтобы возвращались в бар, что здесь не на что смотреть, я избавился от большинства из них.

Полицейские приехали с включёнными мигалками. С их появлением последние посетители, до того наблюдавшие за нами с интересом, в спешке вернулись к своим столам в баре.

Арестовали обоих нападавших, брыкавшихся так, будто у них было по девять жизней. Их отвезли в отделение, один из полицейских остался с нами: дожидаться скорой помощи, которая никак не ехала. Он кутался в бушлат, пока брал у нас показания, но говорить нам особо было нечего. Приехали. Разняли. При нападении на нас самих были вынуждены ответить. Он записывал наши показания без всякого интереса, автоматически орудуя ручкой по листу бумаги, закреплённому к планшету, пока бумага не отсырела от падавшего снега, а ручка не перестала писать.

К тому моменту, когда приехала скорая помощь, тип в пальто потерял сознание. Два крепких парня в форменных штанах и куртках скорой помощи выкатили тележку из машины, погрузили на неё пострадавшего и затолкали в машину. Полицейский спросил, в какую больницу его везут, чтобы позже явиться и взять у парня показания.

Захлопнув задние двери скорой, врачи уехали так быстро, что колёса машины взметнули в звёздное небо комья грязного снега: какая-то его часть попала нам в лица, но мы вовремя отвернулись.

Валентин Карманович предложил подвезти полицейского до отделения, но сначала выпить по кофе, и мы отправились в круглосуточное кафе, расположенное в трёх кварталах от бара. Полицейский оказался приятным парнем, ненамного старше меня. Женатый, двое детей. Он показал снимок своей семьи, который стоял фоном на экране его телефона, я воодушевлённо хмыкнул ради приличия: не хотелось его обижать, хотя мне не было дела ни до него, ни до его семьи. Из головы не выходила девушка-блондинка, сотрудник того бара, где мы только что были, которая нагрубила мне. Решил, что если закончу сегодня пораньше, то вернусь за ней.

Я вызвался взять кофе всем троим, чтобы не сидеть с полицейским вдвоём в машине. В кафе было пусто, пара колдырей просаживали деньги в игровой автомат, стоявший в углу тесного и тёмного зала. Взяв три стакана кофе и расплатившись, я вернулся в машину. Передавая горячие пластиковые стаканы, я отпил из своего: горький, без сахара, как я люблю. Полицейский, сидевший на заднем сиденье, спросил, как нам работаете вообще.

— Да нормально, не жалуемся, — ответил Валентин Карманович, повернувшись к нему. — Всю ночь катаемся, днём отсыпаемся.

— Ещё людей можно избивать, да? Без последствий.

Валентин Карманович поперхнулся кофе и закашлялся так, что его морщинистое лицо покраснело и затряслось. Мне пришлось хлопнуть его по спине. Кашлял он дольше, чем следовало, видимо, ожидая, что я что-то отвечу и закрою тему, но я молчал. Когда он успокоился, говорить пришлось ему.

— Это вынужденная мера. Мы не со зла.

— Знаю я ваши методы. Вам главное пар выпустить и плевать на кого. Вы немногим лучше тех двоих, что избили парнишку ни за что.

Вот тебе и приятный парень, подумал я.

— Хочешь к нам? — спросил я, не выдержав. — Иначе не понимаю, к чему эти вопросы.

— Ради общего развития, — ответил полицейский, глядя на меня в зеркало заднего вида.

Мы поспешили отвезти его в отделение, оставшуюся часть пути преодолели молча. К тому времени, как добрались, мы с напарником уже избавились от опустевших стаканчиков, выбросив их в урну на светофоре. Прощаясь, полицейский сказал нам «до встречи» и вышел из машины, не поблагодарив за кофе и оставив после себя пустой стаканчик: он лежал на сиденье. Когда мы поехали, стаканчик покатился по сиденью: от одной двери к другой. Я смял его и выбросил через приоткрытое окно на тротуар.

— Ну и нахрена ты позвал его с нами? — спросил я, хлопая по приборной панели.

— Да брось ты. Он ничего такого не сказал. Славный парень. Даже фото своей семьи показал.

— Это чтобы втереться к тебе, дураку, в доверие.

— У тебя паранойя, Миллер. Проехали. Куда дальше? Новый вызов?

— Домой. Хватит с меня этой ночи.

— Но ещё только начало второго. Рано вроде как.

— Плевать. Скажем, что тип в форме допрашивал нас на месте. До четырёх утра. Согласен?

— Ладно. Мне-то что. Раньше спать лягу.

Я связался со Спицей по рации. Ответил мягкий мужской голос, не похожий на нашего дежурного:

— Ты кто? — спросил я.

— Кхе. Хм. Спица?

Прозвучало как вопрос. Я не ответил. Связь оборвалась.

Я попробовал снова. Валентин Карманович предположил:

— Да он спит наверняка. Его уже ловили за этим. Не могли с ним связаться. Крамм рассказывал.

— Тсс, ответил. Спица? Как слышно, приём?

— Д-да, Миллер. Я здесь. Что такое?

— Спишь там что ли, сука такая?

— Н-нет. С чего ты взял? — ответил он уже своим голосом.

— С того, блядь. Нас с Кармановичем не теряй. У нас тут задержание правонарушителей. Полиция нас допрашивает на их счёт. Что мы видели и так далее. Встряли надолго. Всё понял?

— Ах, ну ладно. Понял тебя.

— Эй, Спица. Ты там один?

Он в миг проснулся, если спал вообще.

— Да. Что за вопрос?

— Ладно. Конец связи.

Напарник подбросил меня до дома, и попрощавшись, уехал в ночь.

Проводив его взглядом, я дождался, пока красные огни служебной машины «рыцарей» исчезнут из виду. Когда машина скрылась, я открыл свой чёрный «форд капри», припаркованный у подъезда. Проверил, что сумка с принадлежностями на месте. Сев за руль, завёл двигатель, и когда он прогрелся, выехал со двора. Двигатель мерно тарахтел, машина тащила меня к бару «Ректальный Клевер», откуда часом ранее госпитализировали парня в пальто.

7

Красный шарф валялся на парковке среди окровавленного снега, присыпанный новым слоем осадков. Кого-то из посетителей стошнило на ступени, блевотина замёрзла и воняла. Запах бил в ноздри даже через закрытое окно машины, в которой я сидел, дожидаясь, пока девушка-блондинка закончит смену и выйдет на улицу. Она щеголяла по залу внутри бара, покачивая бёдрами.

Я наблюдал за ней через незанавешенные панорамные окна, периодически проверяя, что мой самопальный сканер, собранный моим отцом, работает. Замаскированный под телефон, он блокировал работу камер видеонаблюдения в радиусе полукилометра, как частных, так и муниципальных, как видеорегистраторов в машинах, так и камеры в телефонах.

Сканер делал меня призраком ночи, позволяя оставаться незамеченным и осуществлять задуманное, не опасаясь, что меня выследят по видеозаписям.

Я выкурил несколько сигарет прежде, чем девушка вышла на улицу. Она была с парнем, и это несколько усложнило ситуацию. Она флиртowała с ним, разговаривая противоположно тому, как разговаривала со мной. Накачанный парень в лёгкой куртке поверх белой футболки не был для меня проблемой.

Они поцеловались на прощание, она прильнула к нему. И разошлись каждый к своей машине. Парень уехал первым, это было мне на руку.

Блондинка села за руль жёлтого «жука» и, позалипав в телефоне, выехала с парковки, не глядя на меня.

Я последовал за ней, держась на расстоянии. Улица оставалась пуста. Мой сканер работал, о чём сигнализировал зелёный мигающий огонёк на экране.

Когда на очередном светофоре она свернула в промышленную зону города, мой «форд капри» ускорился и, обогнав её, резко затормозил у обочины. «Жук» чуть не влетел в меня, но девушка вывернула руль и съехала на тротуар. Я пошарил в сумке и, выйдя из машины, направился к ней с пистолетом в руке. Её глаза округлились при виде меня. Блондинка за рулём попыталась сдать назад, но я открыл водительскую дверь и приставил пистолет ей к уху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.